

3. Национальный архив Республики Беларусь (далее: НАРБ). Ф. 4. Оп. 21. Д. 1777.
4. Гудвин-Гилл, Г.С. Статус беженца в международном праве / Г.С. Гудвин – Гилл; пер. с англ. М.И. Левиной. – М.: ЮНИТИС, 1997. – 647 с.
5. Тодорович, И. Решение проблемы беженцев в начале XXI в. / И. Тодорович, Ю.Ф. Моргунов, А. В. Селиванов // Журнал международного права и международных отношений. – 2005. – №1. – С. 29-34.
6. Документы Лиги Наций, касающиеся беженцев // Белорусский журнал международного права и международных отношений. – 2000. – № 1. – С. 37 – 55.
7. Знешняя палітыка Беларусі: 3б. дакументаў і матэрыялаў: У 6 т. / Бел НДІДАС. – Мінск, 1997 – 2003. – Т. 3: 1928 – чэрвень 1941 г. / Склад. У.М. Міхнюк, У.К. Ракашэвіч, Я.С. Фалей, А.В. Шарапа. – 2001. – 321 с.
8. Пограничные войска СССР 1939-июнь 1941. – М.: Наука, 1970. – 811 с.
9. СССР-Германия 1939-1941. Документы и материалы о советско-германских отношениях с сентября 1939 г. по июнь 1941 г.: В 2 т. – Vilnius: «Mokslas», 1989. – Т. 2. – 192 с.
10. Документы внешней политики. – Т. XXIII: В 2 кн. – Кн. 1: 1 января – 31 октября 1940 г. – М.: Междунар. отношения, 1995. – 752 с.
11. Документы внешней политики. – Т. XXII: В 2 кн. – Кн. 2: Сентябрь – декабрь 1939 г. – М.: Междунар. отношения, 1992. – 688 с.
12. Вишлев, О. «Дружба, скрепленная кровью?» / О. Вишлев // Молодая гвардия. – 1996. – № 12. – С. 121 – 142.
13. Розенблат, Е. Поляки и евреи в Западной Белоруссии: динамика сближений и конфликтов (1939 – 1941 гг.) / Е. Розенблат, С. Струнец // Диаспоры. – 2003. – № 1. – С. 202 – 227.
14. Иларионова, Т.С. Обмен населением между СССР и Германией накануне и в начале Второй мировой войны / Т.С. Иларионова // Отечественная история. – 2004. – №4. – С. 54-62.
15. Мемуары Никиты Сергеевича Хрущева // Вопросы истории. – 1990. – № 7. – С. 75-106.
16. НАРБ. Ф. 4. Оп. 21. Д. 1585.

**Кондратюк Г. Н.** (Крымский ИПУ, г. Симферополь)

### **НЕМЕЦКИЕ НАЦИОНАЛЬНЫЕ РАЙОНЫ КРЫМСКОЙ АССР в 1920-1930-х годах**

Исследование процессов межвоенного периода, происходивших в Крымской АССР и УССР, вызывает особое внимание современных исследователей. Можно выделить несколько причин интереса учёных. Длительное время свободное изучение общественных процессов находилось под запретом. Историки должны были помещать свои исследования в прокрустово ложе идеологических схем. Особое место в исторических исследованиях заняло изучение этнополитики 1920-1930-х годов. Распад Советского Союза, сложные современные межнациональные проблемы, рост радикализма и ксенофобии заставляют пристальнее всматриваться в прошлое.

Цель настоящей статьи – изучить процессы, происходившие в немецких национальных районах Крымской АССР в межвоенный период, преломление политики коренизации по отношению к немцам Крыма. При подготовке данной статьи использованы документы, находящиеся на хранении в Государственном архиве Автономной Республики Крым, в частности фонда П. – 1 областного комитета РКП(б) – ВКП(б), так как именно этот орган реализовывал государственную этнополитику во всех сферах экономической и культурной жизни, являлся инициатором административных изменений. Используются стенограммы выступлений лидеров крымской партийной организации. Также нашли отображение публикации в периодической печати 1930-х годов: в журнале Наркомнаца РСФСР «Революция и национальности» и газете Наркомпроса РСФСР «За коммунистическое просвещение».

В апреле 1923 года на XII съезде РКП(б) была объявлена политика коренизации. Основные тенденции политики коренизации 1920-х годов весьма существенно отличаются от последующего десятилетия. Коренизацию 1930-х годов отличают административно-территориальные изменения, кампания выдвигенчества и рост роли идеологии. Общесоюзные тенденции нашли свою реализацию и в Крымской АССР.

Постановлением ЦИК Крымской АССР от 15 сентября 1930 года в Крыму было проведено новое районирование. Было образовано 16 районов, из них 8 по национальному критерию. Был создан немецкий национальный Биюк-Онларский район. На территории района насчитывалось 242 населённых пункта. Район был основан на территории бывших Джанкойского, Симферопольского, Евпаторийского района. Площадь созданного немецкого района составила 2491,4 км. кв., или 9,6 % территории полуострова [1, л. 18].

В резолюции по вопросам национальной политики, принятой на XV областной партийной конференции в 1930 году, определялись новые приоритеты в реализации национального строительства: «...осуществление быстрого темпа индустриализации, проведение земельной реформы, подъём и переделка с/х и усиление социалистического наступления на нэпмана и кулака, должны составлять основное содержание работы крымской парторганизации по национальному строительству КрымАССР» [2, л. 13]. 85 % населения немецкого района было занято в сельском хозяйстве. На 1932 год насчитывалось 146 колхозов. Драма колхозного строительства затронула все немецкие зажиточные хозяйства. По отношению к немецким колонистским хозяйствам проводилась особенно жёсткая политика. Раскулачивания вызвали массовые попытки эмиграции, особенно среди меннонитов. Эмиграционное движение приняло настолько широкие масштабы, что была проведена проверка деятельности местных органов власти. По её итогам ЦИК Крымской АССР принял постановление «О результатах обследования т. Клингером по поручению ВЦИК немецкого населения Крымской АССР». Наиболее одиозные меры были осуждены и говорилось о местных недостатках в деятельности партийных чиновников.

В 1935 году в состав Биюк-Онларского района входило 36 сельских советов, 137 колхозов и 2 МТС. Из общего количества сельских советов 16 были немецкими. Немецкие сельсоветы располагались в бывших колониях. Приоритеты в национальном курсе диктовались изменением концепции ВКП (б), усилившейся тоталитарной системой. Возросла роль идеологического компонента не только в работе местных органов власти, но и народных комиссариатов Крымской АССР. Для крымского Наркомпроса были определены новые направления деятельности: «...задачи культурного строительства должны занять одно из первых мест в общей работе, причём парторганизация должна вести самую решительную борьбу против недооценки важности этих задач в практической работе» [3, л. 18]. Биюк-Онларский немецкий район, среди сельских районов Крыма, отличался высоким уровнем грамотности населения. В 1931 году в немецком национальном районе насчитывалось 111 начальных школ с 5020 учащимися, 3 библиотеки, 30 изб-читален [4, с. 140-150]. В начальных школах обучение велось на немецком языке. На родном языке обучалось в 1930/31 учебном году 4805 учеников, а в 1934/35 - 5571. Цифры не должны вводить в заблуждение. В процентном соотношении количество немецких детей, учившихся на родном языке, сократилось, старшая школа вела обучение на русском языке. Кардинальным образом изменилось содержание учебного процесса. Новые учебные планы и программы были проникнуты идеологией.

Характер и содержание автономии существенно изменились на протяжении 1920-х – 1930-х годов. Но в восприятии партийных работников даже начала 1930-х годов Крымская АССР воспринималась всё ещё как национальная крымско-татарская автономия. Так, выступая на VI Объединённом Пленуме ОК и ОКК в 1931 году, представитель агитпропа обкома И. Козлов говорил: «...мне кажется, не вызывает никаких разногласий в парторганизации то положение, что нацстроительство в Крыму – это в основном вопрос, связанный с татарским населением, как с коренной национальностью Крыма. Это объясняется не только тем обстоятельством, что в силу своего бытия дореволюционного, как наиболее угнетавшееся царизмом, татарское население оказалось наиболее отсталым в культурном, хозяйственном и политическом отношении по сравнению с другими национальностями. Это вытекает из того положения, которое татары занимали и занимают в Крыму. ...Нельзя не учитывать того обстоятельства, что Крым граничит с Турцией, буржуазно-кемалистской Турцией. Наши успехи в нацстроительстве не могут не оказывать революционизирующего влияния на трудящиеся массы Турции». Весьма показательным является, как этот партийный идеолог трактует характер автономии в Крыму: «Что Крымская республика имеет свои особенности – это бесспорно, и эти особенности необходимо учитывать. Но, учитывая особенности Крыма, как края многонационального, нельзя допускать, чтобы под этим флагом пытались протаскивать мысль, которая сводится к ликвидации Крыма, как национальной республики» [5, с. 10-47].

В коренизации 1930-х годов важным являлся административный аспект. В 1935 году в Крымской АССР была проведена административная реформа. Количество районов увеличилось. Постановлением ЦИК Крымской АССР от 26 января 1935 года «Об образовании новой сети районов в Крымской АССР» был создан немецкий Тельманский район. Район территориально был выделен из Биюк-Онларского района. В состав района входило 18 сельских советов со 130 населёнными пунктами. Половину населения района составляли немцы. Образование этого района произошло в период, когда программу коренизации начали сворачивать, и национальная специфика учитывалась мало. Создание района носило исключительно формальный характер.

Эволюция партийной этнополитики находила отображение в проводившихся общественно-идеологических кампаниях. В докладе на XVII партконференции, проходившей 16-20 января 1934 года, секретарь крымского обкома Б.А. Семёнов говорил: «Мы обязаны решительным образом усилить огонь по великодержавному шовинизму, подняв на новую высоту дело социалистического развития нашей национальной республики, дело развития национальной по форме и социалистической по содержанию культуры» [6, л. 40]. Объявленная борьба с великодержавным шовинизмом носила декларативный характер, русификаторские тенденции в СССР всё более усиливались. 1933 и 1934 годы отмечены репрессиями против немецкой интеллигенции и учительства как в Украинской ССР, так и в Крыму. Выступая на Пленуме крымского обкома 15 октября 1934 года, секретарь ОК Б.А. Семёнов констатировал: «...решение ЦК КП(б) Украины по национальному вопросу в значительной мере относится и к Крыму». В своём выступлении Семёнов определил две задачи – борьбу с великорусским шовинизмом и местным национализмом. При этом акцент ставился на борьбе с последним.

При этом во всесоюзном аспекте указывалось на усиление борьбы с обоими уклонами: «XVII партконференция выдвинула в качестве боевой задачи необходимость борьбы с правым оппортунизмом, как главной опасностью на данном этапе, и «левыми» загибами. Современный этап нашего развития, с другой стороны, выдвигает перед нами задачу борьбы с уклоном к великодержавному шовинизму, как главной опасности, и уклоном к местному национализму. На этом участке ещё неизбежно обострение классовой борьбы в отдельных районах и на отдельных участках» [7, с. 74]. В результате объявленной кампании борьбы с местным национализмом в 1934 году был осуществлён настоящий погром немецкой просвещенческой интеллигенции.

Под воздействием партийных органов процессу коренизации после разгрома Наркомпроса Крыма в 1928 году стремились придать новый характер. Коренизацию рассматривали через призму выдвигенческой кампании, надлежало коренизировать государственные учреждения надёжными, с точки зрения большевиков «националами». Резолюция Бюро обкома ВКП (б) от 22 августа 1929 года определила ряд приоритетов: «...а) решительное выдвижение во все звенья советского, кооперативного и профсоюзного аппарата как на руководящую, так и на техническую работу рабочих, батраков и крестьян бедняков и середняков татар и нацмен, вплоть до замены лиц, не владеющих местным языком, в организациях, непосредственно связанных с нац. массой; г) расширение и переустройство работы высших и средних учебных заведений в соответствии с задачами подготовки нац. кадров; д) перевод делопроизводства низовых советов на национальные языки и реализация их языка...» [8, с. 7].

Для реализации поставленных задач при Президиуме Крымского ЦИКа была создана в сентябре 1929 года Комиссия по коренизации (татаризации) государственного, кооперативного и профсоюзного аппаратов и общественных организаций Крыма. В задачу Комиссии входило контролировать, как государственные учреждения выполняют процентные нормы по коренизации, содействовать организации на крупных предприятиях фабрично-заводского ученичества из молодёжи [9, с. 2]. Были определены квоты в учебных заведениях и на производстве для немецкой молодёжи. Это поколение комсомольцев должно было быть надёжной опорой и проводником коммунистических идей в консервативную среду немцев Крыма.

В начале 1930-х годов изменился и характер коренизации советского административного аппарата. Коренизация приобрела плановый характер и реализовывалась также через выдвигенческую кампанию. Выдвигенцы, не обладавшие необходимым опытом работы и знаниями, должны были соответствовать признаку «идеологической выдержанности» и иметь соответствующее социальное происхождение. В январе 1931 года в Симферополе состоялось областное Собрание по вопросу коренизации аппарата и национальному строительству. С содокладами выступили руководители республики Вегер и Кешишьянц. Последний был вынужден признать: «Если сравнить коренизацию, проведённую в наших крымских условиях, с другими националь-

ными республиками, то увидите, что наша коренизация занимает последнее место. ...В течение 10 лет процент коренизации аппарата составляет всего лишь 10,8 %. Минимально за это время мы должны были бы иметь 25 %» [10, л. 4]. Причин у этого скромного результата было несколько. Во-первых, любой общественный процесс требует времени для своего развития, так как общественные явления обладают определённой инерционностью. Во-вторых, коренизация осуществлялась либо за счёт технических работников, либо партийных функционеров и управленцев нижнего и среднего звена. Формирование этого звена руководителей являлось наиболее зримым достижением коренизации. В-третьих, подготовка специалистов из представителей немецкой национальности требовала времени. Именно в учреждениях Наркомпроса Крыма были достигнуты самые значительные успехи коренизации.

Программа коренизации первой половины 1930-х годов должна была также реализовать две важнейших задачи: подготовить новую «красную» интеллигенцию и создать национальный пролетариат из крымских немцев. На Совещании представитель агитпропа крымского обкома сформулировал эту задачу следующим образом: «...На завод коренное население попадает из среды крестьянства, зараженного старыми национальными традициями...того специфического подхода, который нужен был бы в отношении коренного населения, для того чтобы помочь ему переродиться в коренного пролетария, – такого подхода мы не имели» [11, л. 15].

Безусловный приоритет в курсе национальной политики отдаётся разжиганию классово-борьбы. В 1934 году, после завершения XVII съезда ВКП (б), официальная доктрина формулируется так: «Наша марксистская установка в том, что национальный момент является подчинённым классовому моменту, со всей отчётливостью выявляется в наше время на примере той классово-борьбы, которая происходит внутри отдельных национальностей... В период, предшествовавший XVII съезду партии, мы наблюдали усиление проявлений местного национализма главным образом в создании ряда контрреволюционных организаций и развёртывании местных национальных уклонов в некоторых крупных партийных национальных организациях» [12, с. 5]. На деле это означало стравливание различных поколений немцев Крыма, преследование немецких пасторов и интеллигенции.

Трансформируется понимание и назначение в обществе национальной культуры. 1923-1927 годы в Крымской АССР могут быть охарактеризованы как краткий период расцвета национальных культур и развития образования в условиях относительного политического плюрализма. С усилением тоталитарной системы национальная культура должна была выполнять роль одного из элементов коммунистической идеологии. Её назначение было сформулировано так: «Надо тщательно следить за тем, чтобы национальная культура народов СССР была пролетарской по своему содержанию. Следует сознаться, что на этом фронте мы имеем немало прорывов, использованных национальной интеллигенцией. Работники национальных районов часто хорошо усваивают необходимость развития нацкультуры, но мало заботятся об её интернациональном содержании. Из каждого национала надо воспитать интернационалиста, чтобы на первое место он ставил классовые интересы пролетарской революции и не замыкался в узконациональном круге интересов» [13, с. 75]. Но по своему социальному составу подавляющую часть немцев Крыма составляли крестьяне. Крестьянство – это фундамент национальной народной культуры, языка, религии и традиций. Эта культура никак не могла быть пролетарской и классовой. Создание национального пролетариата должно было привести к выработке идеологии, одним из элементов которой должен быть пропагандируемый фальшивый интернационализм. Выступая на VIII Всесоюзном съезде работников просвещения, нарком просвещения А.С. Бубнов так определил новое назначение культуры: «В основу всех культурных мероприятий, намеченных на второе пятилетие, должны быть положены решения 17-й партконференции о построении бесклассового социалистического общества, о переделке всех трудящихся в сознательных строителей этого бесклассового общества» [14, с. 1].

Таким образом, в 1930 – 1936 годах сформировался совершенно иной вектор в национальной политике, в культуре и образовании. Центр постепенно стал ликвидировать негативные для себя последствия национально-культурного возрождения 1920-х годов. Этот «ренессанс» стал возможен потому, что в Крыму и в Украине коммунизм в период НЭПа отличался известной долей либерализма. Наличие определенных государственных прерогатив, прежде всего в сфере культуры, обеспечило быстрое национальное возрождение. Этому способствовал политический курс на коренизацию. Коренизация стала фактически процессом на укрепление советской власти среди населения национальных республик. В Украине коренизация приняла форму украинизации. В Крыму определённое внимание уделялось немецкой общине.

1937 – 1938 годы – это время «расстрелянного возрождения» как в Украине, так и в Крыму. В 1938 году было принято решение о ликвидации школ национальных меньшинств, в частности немецких. Таким образом, все позитивные достижения в этнополитике, коренизации были перечеркнуты сталинизмом.

1. Государственный архив Автономной Республики Крым (ГА АРК). – Ф. 137, оп. 7, д. 45, л. 18.
2. Там же. – Ф. П. –1, оп. 1, д. 1032, л. 13.
3. Там же. – Л. 18.
4. Материалы к отчёту правительства Крымской АССР VIII съезду Советов Крымской АССР. – Симферополь, 1931.
5. Козлов И. О национальном строительстве в Крыму. Переработанная стенограмма доклада на VI Объединённом Пленуме ОК и ОКК. – Симферополь, 1931.
6. ГААРК. – Ф. П.– 1, оп. 1, д. 1290, л. 40.
7. Революция и национальности. – 1933. – № 4.
8. Коренизация аппарата КрАССР (к вопросу о вовлечении трудящихся татар в производство, государственные, кооперативные учреждения и общественные организации). – Симферополь, 1929.
9. Там же. – С. 2.
10. ГААРК. – Ф. П. – 1, оп. 1, д. 1074, л. 4.
11. Там же. – Л. 15.
12. Революция и национальности. – 1934. – № 3.
13. Революция и национальности. – 1930. – № 1.
14. За коммунистическое просвещение. – 1932. – 7 апреля.

Пичуков В. П. (ГГУ им. Ф. Скорины, г. Гомель)

### НЕМЕЦКОЕ НАСЕЛЕНИЕ БССР И КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА

В постановлении Президиума Совета Национальностей ЦИК СССР «По докладу о хозяйственном и социально-культурном обслуживании немецкого населения в Союзе ССР» от 12 декабря 1929 г. отмечалось, что «бедняцко-средняцкие массы немцев с успехом проводят социалистическое переустройство деревни путём широкого развития коллективизации». 3 марта 1930 г. ЦИК СССР поручил ЦИКа́м союзных республик «обратить большее внимание на организационно-хозяйственное укрепление немецких колхозов» [1, Ф. 701. Оп. 1. Д. 83. Л. 30; 2, Ф. 1235. Оп. 125. Д. 40. Л. 96]. Жизненные реалии опровергли официальный оптимизм. Немцы СССР противостояли коллективизации. Рассмотрим данный сюжет на материалах БССР. По данным Всесоюзной переписи населения 1926 г., 3294 сельских немца – 69,2 % всех сельских немцев БССР, проживали на Мозырщине. Именно здесь находились два немецких национальных сельсовета БССР – Березовский и Анзельмовский (Роза-Люксембургский). Анализируя тревожное состояние с коллективизацией многонационального населения, ЦИК БССР в постановлении от 5 декабря 1930 г. обращал «особенное внимание на коллективизацию в немецких поселениях» [3, № 307].

Сельские немцы БССР стойко не желали коллективизировать свои хозяйства. Так, к концу 1928 г. в Березовском сельсовете «вопрос о коллективизации не ставился». Власти отмечали, что «большинство немецких крестьян настроено против колхозов». «Население за последние годы пообустроилось, несколько укрепило экономическое положение и сейчас абсолютно ничего не хочет знать об объединении в коллективы. ... Приверженность к индивидуально-собственническому хозяйству у немцев значительно сильнее, чем у прочего населения», – информация на начало 1930 г. К весне 1930 г. в Березовском и Роза-Люксембургском сельсоветах прошло до 20 собраний по вопросу коллективизации с участием районных и приехавших из Минска советско-партийных работников. «Однако голосование за организацию сельхозартелей всегда давало одни и те же результаты: почти единогласное голосование против. Мало того, немецкое население не хочет слушать и бесед о колхозах и всякое упоминание о последних возбуждает у них недоверие» [1, Ф. 701. Оп. 1. Д. 67. Л. 236; Д. 102. Л. 20; 4, Ф. 60. Оп. 1. Д. 723.